

Научная статья

УДК 101.1:316

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.017

Конституционный патриотизм, права человека и радикальная демократия в современном социально- политическом дискурсе

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Аннотация. В статье проводится анализ концепций конституционного патриотизма, прав человека и радикальной демократии в их диалектической взаимосвязи и противоречии. Рассматриваются теоретические основы данных феноменов, их интерпретация в российской правовой доктрине и практике. Особое внимание уделяется проблеме баланса между коллективным суверенитетом и индивидуальной свободой, а также вызовам, которые ставит перед современным государством цифровая трансформация публичной сферы. В выводах формулируются перспективы развития данных концепций в контексте обеспечения национальной безопасности и укрепления конституционного строя Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционный патриотизм; права человека; радикальная демократия; правовой дискурс; конституционализм; суверенитет; цифровое право.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Конституционный патриотизм, права человека и радикальная демократия в современном социально-политическом дискурсе // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 134–140. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.017.

Original article

Constitutional Patriotism, Human Rights and Radical Democracy in Modern Socio-Political Discourse

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract. The article analyzes concepts of constitutional patriotism, human rights, and radical democracy in their dialectical interconnection and contradiction. The theoretical foundations of these phenomena, their interpretation in the Russian legal doctrine and practice are examined. Special attention is paid to the problem of balancing collective sovereignty and individual freedom, as well as to the challenges posed to the modern state by digital transformation of the public sphere. The conclusions formulate prospects

for the development of these concepts in the context of ensuring national security and strengthening the constitutional order of the Russian Federation.

Keywords: constitutional patriotism; human rights; radical democracy; legal discourse; constitutionalism; sovereignty; digital law.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Nagornykh R.V. Constitutional patriotism, human rights and radical democracy in modern socio-political discourse. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 134–140. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.017.

В современном многообразии философских воззрений и политико-правовых концепций все большую популярность приобретают идеи суверенизации национальных государств. Кризис парадигмы глобализма на фоне размывания в либеральных обществах традиционных форм гражданской идентичности ставит перед современными обществами задачу поиска новых оснований для легитимации власти и внутренней консолидации. В центре этих дискуссий находятся три взаимосвязанных концепта: права человека как универсальный стандарт, радикальная демократия как форма политического участия народа в политическом процессе и конституционный патриотизм как основа гражданской лояльности к существующей власти [1, с. 54].

В современной России развитие этих концепций приобрело уникальность и своеобразие. С одной стороны, сохранение общих ориентиров на развитие либеральной демократии, соблюдение прав и свобод человека, заложенных в основу политической доктрины России в 1990-е гг. и закрепленных в либеральной по своей сути Конституции Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ), продолжает определять содержание современной российской политики, экономики и правового регулирования. С другой стороны, постепенное осознание российским обществом необходимости сохранения национальных традиционных ценностей и, соответственно, сохранения и развития суверенного государства, противодействия неокOLONIALной политики Глобального Запада привели к теоретической разработке новой политико-правовой концепции государства-цивилизации. Одним из проявлений становления концепции государства-цивилизации стало внесение в 2020 г. изменений в Конституцию РФ, связанных с суверенизацией российского государства, усилением централизованной власти, закреплении традиционных общественных ценностей. Спустя некоторое время стало очевидно, что конституционные новеллы 2020 г. в определенной степени сгладили, но не разрешили все противоречия в обществе между силами-антагонистами.

Таким образом, современный социально-политический дискурс в рассматриваемой сфере характеризуется столкновением нескольких фундаментальных парадигм, определяющих вектор развития государственности. Российское государство по-прежнему ориентировано на сохранение либерально-индивидуалистической модели публичной власти, абсолютизирующей права человека как высшую ценность и рассматривающей демократию как неограниченную власть большинства (радикальную демократию). В противовес этому в российском социально-политическом пространстве все более просматривается усиление коммунитаристского подхода, представленного концепцией конституционного патриотизма, который утверждает приоритет национальных конституционно-правовых ценностей и национального суверенитета над абстрактными универсальными правами. При этом в условиях глобализации и цифровизации публичного пространства классическое понимание демократии и прав человека подвергается глубокому переосмыслению. В этих условиях концепция конституционного патриотизма как основа гражданской идентичности приобретает форму общегосударственной российской идеологии [2, с. 83].

В европейской литературе идеи конституционного патриотизма (*Verfassungspatriotismus*), детально разработанные немецким философом Юргеном Хабермасом, представляют собой попытку разрешить кризис национальной идентичности в постнациональном мире [3, с. 511]. Суть концепции заключается в переносе источника легитимности государства с культурно-исторической общности на правопорядок, который воплощается, прежде всего, в демократических конституциях. По Ю. Хабермасу, «космополитическая демократия, основанная на идее вечного мира Канта, предполагает создание глобального правового порядка, объединяющего государства и устраняющего войны» [4, с. 60]. На этой основе Ю. Хабермас развивает идею конституционного патриотизма как альтернативу националистическому понятию отечества, то есть усматривает в этом продолжение традиции республиканского патриотизма.

В отличие от этнического национализма, конституционный патриотизм является инклюзивной моделью. Он не требует от гражданина отказа от его культурной, религиозной или этнической принадлежности. Единственным требованием является признание и активное участие в поддержании ценностей, закрепленных в основном законе: правового государства, демократии, разделения властей и прав человека.

Для российской правовой доктрины данная концепция имеет особое значение. Конституция РФ в Преамбуле закрепляет многонациональный народ России как носителя суверенитета и единственного источника власти. Это создает уникальную почву для развития именно гражданского, а не этнического национализма. Конституционный патриотизм позволяет интегрировать различные народы и культуры в единое правовое и политическое пространство, формируя общую для всех гражданскую нацию при сохранении этнокультурного многообразия.

Концепция конституционного патриотизма входит в определенные противоречия с универсалистской концепцией прав человека. Права человека традиционно рассматриваются как универсальный стандарт, стоящий над национальным законодательством. Однако современная политико-правовая теория все чаще сталкивается с необходимостью их контекстуализации. Абсолютизация прав человека без учета национальных правовых традиций и интересов безопасности может приводить к деструктивным последствиям.

В российском правовом пространстве права человека являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), но их реализация неразрывно связана с обязанностями гражданина перед обществом и государством (ч. 5 ст. 29). Это положение отражает коммунитаристский подход, который представляет собой парадигму, в рамках которой либеральный индивидуализм личности уже не ставится во главу угла, а личность и ее идентичность формируются исключительно в рамках общества (общины «*community*») на основе коллективных ценностей и интересов. При этом сегодня дискуссия о соотношении коммунитаризма и прав человека в России часто касается поиска баланса между защитой традиционных ценностей, суверенитета и национальной культуры и соблюдением международных стандартов гражданских и политических свобод [5, с. 111]. Российская правовая система стремится интегрировать обе концепции, признавая безусловную ценность человеческой жизни и достоинства, но при этом подчеркивая важность социальной ответственности и единства общества.

Важной особенностью современного этапа эволюции концепции коммунитаризма является разработка ее соотношения с идеями радикальной демократии. Сегодня радикальная демократия представляет собой не просто форму правления, а политическую теорию, которая направлена на реализацию демократического идеала до его логического предела. В отличие от либеральной демократии, стремящейся к «концу политики» через консенсус и управление конфликтами, радикальная демократия признает антагонизм неотъемлемой частью политического процесса. Теоретики данного направления, такие как Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло, утверждают, что «демократия требует предоставления возможности про-

явления антагонизмов» и что «политика касается коллективной организации антагонизмов» [6, с. 188]. Представители данного направления выступают за создание «демократической цепи эквиваленций», где различные протестные движения объединяются против общего противника (например, политического истеблишмента), чтобы артикулировать «популистский момент» [7, с. 55] и бросить вызов существующему гегемонистскому порядку.

В общем плане проблема соотношения коммунитаризма и радикальной демократии заключается в поиске баланса между коллективным самосознанием и индивидуальной свободой. Если узкий коммунитаризм рискует скатиться к авторитаризму большинства, то либеральный республиканизм и делиберативная демократия предлагают институциональные гарантии защиты личности от произвола как со стороны государства, так и со стороны самого общества [8, с. 93].

В этом контексте крайне важен анализ Карла Шмитта, который в своей фундаментальной работе «Государство и политическая форма» (1928 г.) показал обратную сторону неограниченной демократии. Для него сувереном является тот, «кто принимает решение о чрезвычайном положении» [9, с. 89, 119]. Радикальная демократия, стремящаяся к абсолютной реализации воли народа, неизбежно сталкивается с необходимостью либо подавлять своих противников (превращая их во «врагов»), либо делегировать чрезвычайные полномочия лидеру для наведения порядка. Таким образом, она содержит в себе «демократический» потенциал саморазрушения и перехода к авторитаризму.

В этом контексте именно конституционный патриотизм выступает как необходимый ограничитель для радикальной демократии. Он утверждает, что источником власти является народ, однако реализует он эту власть не напрямую, а через установленные законом институты в рамках конституционного пространства. Суверенитет народа, таким образом, ограничен в определенной степени суверенитетом права, а демократия становится не самоцелью, а реальным правовым инструментом для достижения целей социальной справедливости и общего блага.

Кроме того, следует учитывать, что важным фактором современного этапа развития всех социумов является цифровизация публичного пространства, которая кардинально меняет архитектуру взаимодействия между гражданином и государством [10, с. 130]. Цифровизация создает новые инструменты для реализации прямой демократии, например, такие как электронное голосование, оценка качества государственных и муниципальных услуг, рассмотрение обращений граждан. Однако при этом цифровизация порождает и новые угрозы, связанные с цифровым неравенством, уязвимостью систем и т. п.

В этом новом ландшафте концепция конституционного патриотизма приобретает новое значение. Лояльность гражданского общества теперь выражается не только в выборах раз в несколько лет, но и в повседневном цифровом поведении, например в соблюдении сетевого этикета и противодействии дезинформации. Государство в этих условиях приобретает функции гаранта цифрового суверенитета, обладающего способностью самостоятельного управления своей информационной инфраструктурой.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы, отражающие перспективы развития исследуемых концепций в современном российском социально-политическом и правовом пространстве.

1. Синтез парадигм как стратегический вектор конституционного развития. Перспективным и единственно возможным путем развития для Российской Федерации является не механический выбор между либеральным индивидуализмом и государственным патернализмом, а их диалектический синтез на основе идеологии конституционного патриотизма. Подобная модель позволяет сохранить безусловный конституционный приоритет прав и свобод человека как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ) и при этом наполнить его новым ответственным содержанием. В рамках такого подхода права человека рассматриваются не как абсолютная, ничем не ограниченная автономия индивида, а как система,

неразрывно связанная с обязанностями перед обществом и государством. Это позволяет преодолеть разрыв между индивидуальными интересами и общественным благом, формируя у граждан понимание того, что реализация их прав возможна только в стабильном, суверенном и сильном государстве, способном защитить эти права от внутренних и внешних угроз.

2. Укрепление институтов как императив для сдерживания рисков радикальной демократии. Для эффективного противодействия рискам, присущим радикальной демократии (таким как «тирания большинства», популизм, эрозия представительных институтов и манипулирование общественным мнением), необходимо дальнейшее целенаправленное укрепление традиционных институтов представительной демократии и независимой судебной власти. Прямая демократия, реализуемая через цифровые платформы, должна рассматриваться как важный и обязательный инструмент гражданского участия. В этих условиях ключевой задачей государства становится совершенствование законодательства, регулирующего электоральные процессы в цифровой среде, для обеспечения их прозрачности, безопасности и защищенности от внешнего и внутреннего вмешательства. Судебная система при этом должна оставаться главным гарантом верховенства права, способным эффективно защищать права меньшинств и отдельных граждан от возможных перегибов мажоритарной политики.

3. Формирование новой модели гражданской идентичности в цифровую эпоху. В условиях глобальной цифровизации публичного пространства концепция конституционного патриотизма приобретает новое, прикладное звучание. Лояльность гражданского общества к государству трансформируется из формального акта участия в выборах в повседневную цифровую реальность и практику. Подобный подход включает в себя ответственное потребление и создание контента, соблюдение сетевого этикета, критическое мышление для противодействия дезинформации и фейков, а также осознание гражданами важности защиты персональных данных как элемента личной безопасности и суверенитета национального государства. Государство в свою очередь берет на себя функцию обеспечения цифрового суверенитета, то есть осуществляет самостоятельное управление национальной информационной инфраструктурой, защищает критически важные данные и создает безопасную цифровую среду для своих граждан.

4. Конституционный патриотизм как фундамент национальной безопасности и суверенного развития. В условиях глобальной геополитической турбулентности и усиления гибридных угроз концепция конституционного патриотизма трансформируется из теоретической конструкции в важнейший практический инструмент обеспечения национальной безопасности. Конституционный патриотизм формирует консолидированное гражданское общество, обладающее устойчивой идентичностью, основанной на общих правовых ценностях и лояльности к своему государству. Такая консолидация делает общество невосприимчивым к внешним идеологическим диверсиям и попыткам его дестабилизации. Укрепление конституционного патриотизма напрямую способствует укреплению государственного суверенитета, поскольку легитимирует право государства на независимую внутреннюю и внешнюю политику, направленную на защиту национальных интересов в соответствии с волей его граждан.

Таким образом, дальнейшее развитие политической и правовой системы России лежит в плоскости прагматичного синтеза универсальных гуманистических ценностей с императивами национального суверенитета и безопасности. Конституционный патриотизм выступает в качестве идеологического стержня этого процесса, предлагая сбалансированную модель будущего, в которой сильное государство и свободный гражданин не противостоят друг другу, а являются взаимодополняющими элементами единого организма российского социума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нагорных Р. В. Конституционный патриотизм как политико-идеологическая основа современной российской государственности // *Ius Publicum et Privatum*. 2026. № 1 (33). С. 53–59.
2. Зорькин В. Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // *Государство и право*. 2022. № 2. С. 77–88.
3. European Constitutional Patriotism and Postnational Citizenship in Jürgen Habermas. URL: https://www.researchgate.net/publication/321363094_European_Constitutional_Patriotism_and_Postnational_Citizenship_in_Jurgen_Habermas (дата обращения: 17.06.2026).
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого : очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Скляднева. 2-е изд., стер. СПб., 2008. 415 с.
5. Этциони А. Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности // *Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал*. 2012. № 2 (3). С. 100–117.
6. Шмит К. Понятие политического // *Социология власти*. 2011. № 8. С. 173–190.
7. Лаклау Э. О популизме // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2009. № 3. С. 54–68. С. 55.
8. Шавеко Н. А. Современные республиканские концепции демократии: общие признаки и два идеальных типа // *Общественные науки и современность*. 2024. № 6. С. 83–95.
9. Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. 272 с.
10. Оботурова Н. С., Васильева Д. В. Сетевая идентичность в оптике социального признания // *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*. 2026. № 1 (20). С. 129–135.

REFERENCES

1. Nagornykh R.V. Constitutional patriotism as a political and ideological basis of modern Russian statehood. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 1 (33), pp. 53–59. (In Russ.).
2. Zor'kin V.D. The Constitution of the Russian Federation – the legal basis for the integration of Russian society. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 2, pp. 77–88. (In Russ.).
3. *European Constitutional patriotism and postnational citizenship in Jürgen Habermas*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321363094_European_Constitutional_Patriotism_and_Postnational_Citizenship_in_Jurgen_Habermas (accessed June 17, 2026).
4. Habermas J. *Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoi teorii* [The inclusion of the other: studies in political theory]. Ed. by Sklyadnev D.V. Saint Petersburg, 2008. 415 p.
5. Etzioni A. On communitarian and global sources of legitimacy. *Politicheskoe upravlenie: nauchnyi informatsionno-obrazovatel'nyi elektronnyi zhurnal = Political Management: scientific, information, and educational electronic journal*, 2012, no. 2 (3), pp. 100–117. (In Russ.).
6. Schmitt C. The concept of the political. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2011, no. 8, pp. 173–190. (In Russ.).
7. Laclau E. On populism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki = Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*, 2009, no. 3, pp. 54–68. (In Russ.).
8. Shaveko N.A. Modern republican concepts of democracy: common features and two ideal types. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2024, no. 6, pp. 83–95. (In Russ.).
9. Schmitt C. *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [The state and political form]. Moscow, 2010. 272 p.
10. Oboturova N.S., Vasil'eva D.V. Online identity in terms of social recognition. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 129–135. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Статья поступила 17.06.2026